

Modernités russes

ISSN : 2725-2124

: Centre d'études linguistiques

24 | 2025

Revue de slavistique en Europe occidentale

Славистика и политика: статья Романа Якобсона «История чешского и словацкого литературного языка» в журнале *Le Monde slave* (1937)

La slavistique et la politique : l'article de Roman Jakobson « L'histoire du tchèque et du slovaque littéraire » dans la revue Le Monde slave (1937)

Slavic studies and politics: Roman Jakobson's article "A History of Literary Czech and Slovak" in the Le Monde slave journal (1937)

Alexandre Stroev

🔗 <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=1103>

DOI : 10.35562/modernites-russes.1103

Alexandre Stroev, « Славистика и политика: статья Романа Якобсона «История чешского и словацкого литературного языка» в журнале *Le Monde slave* (1937) », *Modernités russes* [], 24 | 2025, 15 décembre 2025, 29 décembre 2025. URL : <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=1103>

CC-BY

Славистика и политика: статья Романа Якобсона «История чешского и словацкого литературного языка» в журнале *Le Monde slave* (1937)

La slavistique et la politique : l'article de Roman Jakobson « L'histoire du tchèque et du slovaque littéraire » dans la revue Le Monde slave (1937)
Slavic studies and politics: Roman Jakobson's article "A History of Literary Czech and Slovak" in the Le Monde slave journal (1937)

Alexandre Stroev

Приложение: машинописная рукопись статьи Романа Якобсона (1936)

- 1 Роман Осипович Якобсон (1896–1982) уехал из России в 1920 году, в тяжкую пору военного коммунизма и конца гражданской войны. В первое время в Эстонию, затем в Чехословакию, где сначала был переводчиком в миссии Красного Креста, а затем сотрудником советского полпредства. В 1923–1927 годах он состоял заведующим бюро печати (т. е. пресс-секретарем посольства), и продолжал там работать после официального увольнения. Якобсон превосходно совмещал научную и дипломатическую деятельность [Гланц, 1999; Сорокина, 2000а]. Благодаря хорошему знанию иностранных языков он со всеми познакомился, регулярно представлял письменные отчеты посольству, сотрудничал с чешскими и югославскими дипломатами [Сорокина, 2020b]. Был вхож к Томашу Масарику, первому президенту Чехословакии (1918–1935), и к Эдварду Бенешу, министру иностранных дел (1918–1935), а затем президенту. Оба они были учеными, и потому Якобсону было проще с ними общаться.
- 2 Якобсон делает в Чехословакии научную карьеру: становится одним из основателей Пражского лингвистического кружка (1926), заместителем его председателя, пишет статьи, защищает диссертацию в Немецком университете в Праге (1931), а затем

- хабилитацию в университете Брно. Благодаря поддержке коллег он стал в этом университете приват-доцентом (1933), приглашенным профессором (1934–1937), а затем экстраординарным профессором (1937–1939) [Зеленка, 1997; Малевич, 2007; Якобсон, 2011; Автономова, Баран, Щедрина, 2017].
- 3 Главный редактор журнала *Le Monde slave*¹ профессор Луи Эйзенман с 1925 по 1937 был директором Французского института в Праге (должность научная и дипломатическая), и, вероятно, Якобсон был с ним знаком. Но статья Якобсона на русском языке сохранилась в архиве другого ученого — Жюля Легра², профессора славистики в Дижоне, а с 1929 года в Сорбонне, члена редколлегии журнала с 1924 года до его закрытия в 1938; Легра, как я полагаю, и перевел статью с русского на французский для публикации. Он много раз приезжал в Россию, где прожил в общей сложности десять лет, в том числе во время Первой мировой войны и революции в качестве офицера французской и русской армий. Легра дружил с Ремизовым и другими русскими писателями эмигрантами.
- 4 Отмечу, что в другом французском славистическом журнале, *Revue des études slaves*³, Якобсон не печатался. Возможно, из-за политических и научных разногласий с главным редактором журнала Андре Мазоном⁴, который в 1918 году прибыл в Россию в качестве агента влияния⁵, был арестован ВЧК, просидел три с половиной месяца в тюрьме (с сентября по декабрь 1918), а после возвращения издал брошюру *Лексика войны и революции в России*, вызвавшую большой интерес в России⁶. Якобсон отозвался на нее в статье на чешском о влиянии революции на русский язык, вышедшую затем отдельным изданием [Jakobson, 1921]⁷. Насколько я могу судить, публикация на французском вызвала больший интерес, чем на чешском.
- 5 В журнале *Le Monde slave* в 1920-е годы Якобсона упоминают редко. Профессор Краковского университета Вацлав Ледницкий ссылается на его работу «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским» (1923) [Lednicki, 1926]. Чешский политик и историк Хуберт Рипка [Ripka, 1930] обращается к исследованию Якобсона о древних чешских песнопениях [Jakobson, 1929] и вступает в уважительную

полемику о значении старославянского языка для чешского: это серьезное влияние или отдельный эпизод?

- 6 Все меняется, когда в первом, январском номере журнала за 1931 год Петр Савицкий под псевдонимом Степан Лубенский ссылается на фонологические исследования Якобсона, подтверждающие, по его мнению, необходимость политического объединения народов Евразии, призванных воссоздать под эгидой СССР империю монголов:

Ces temps derniers, enfin, un jeune savant russe de génie, R. O. Jacobson, a établi un indice linguistique commun, propre à tous les peuples de l'Eurasie depuis la Pologne jusqu'à la grande muraille de Chine, et étranger aux langues d'Europe et d'Asie – c'est la distinction des consonnes selon qu'elles sont dures ou molles, distinction qui change le sens (Exemple en russe : *bit* et *bit'*, *dan* et *dan'*, etc.)

À ces particularités de l'Eurasie au point de vue de la géographie, de l'anthropologie, de la linguistique, etc. (sans oublier son unité intérieure), correspond une destinée historique qui lui est propre. Durant toute son histoire, depuis l'époque des Scythes jusqu'à nos jours, on note une tendance à l'unité politique et culturelle, tendance qui aboutit à l'union des groupements des zones eurasiennes des steppes et des forêts. Pendant des milliers d'années, cette unité fut réalisée par les stepniaks. Dans les derniers siècles, elle l'a été par le peuple russe. Le prototype géopolitique de l'Empire russe et de l'U.R.S.S. actuelle, c'est l'empire des Mongols des XIIIe–XIVe siècles... [Lubinskij, 1931a: 87-88]⁸

- 7 Далее, в третьем, мартовском номере журнала выходят в переводе на французский статьи, вошедшие в книгу *Евразия в свете языкознания* (1931): «Оповещение об открытии (Евразия в лингвистических признаках)» Петра Савицкого [Savickij, 1931] и «О фонологических языковых союзах» Якобсона [Jakobson, 1931], а также аннотированная биография работ о евразийстве, составленная Савицким [Lubinskij, 1931b]. Жан-Клод Шевалье, анализируя политическое звучание научных идей, показывает, что французские профессора слависты, в том числе и Андре Мазон, встретили евразийство в штыки, тогда как фонологи, в первую очередь Андре Мартине, поддержали подход Якобсона [Chevalier, 1997].

- 8 Два года спустя Якобсон помещает в журнале умелую хвалу президенту Чехословакии как философу, собеседнику Льва Толстого (Томаш Масарик трижды приезжал в Россию). Он печатает архивные материалы, дневниковые записи о беседах Толстого и Масарика в 1910 году, сделанные Душаном Маковицким, врачом и секретарем писателя, хранящиеся в Праге [Jakobson, 1933]⁹.
- 9 В 1934 году П. Н. Савицкий разбирает в журнале речь Горького на Первом съезде советских писателей и трижды ссылается на статью Якобсона «Славянские языки в Советском Союзе» [Jakobson, 1934], говоря о роли фольклора в литературе, а также о художественных и лингвистических установках русских, украинских и белорусских писателей [Vostokov, 1934].
- 10 Петр Богатырев, друг и соавтор Якобсона, член Пражского лингвистического кружка, сотрудник советского полпредства в Чехии, по поручению В. Д. Бонч-Бруевича, директора Государственного литературного музея, собирал материалы в архивах Чехословакии, Австрии, Германии, Дании. В статье об этом, напечатанной в 1936 году, он упомянул, что сфотографировали рукопись первоначального варианта поэмы Маяковского 150.000.000, принадлежащую профессору Якобсону (« On a photographié le texte primitif des 150.000.000 de V. Majakovskij, propriété du professeur Jakobson », Bogatyrev, 1936 : 474).
- 11 В 1937 году журнал печатает лекции, которые Николас ван Вейк (1880–1941), профессор славянских и балтийских языков в университете Лейдена, член-корреспондент Академии Наук СССР (1928) читал в Сорбонне. Ученый дважды уважительно (но с оговорками) упоминает теорию Якобсона, не указывая, впрочем, название монографии. По всей видимости, речь идет о книге *К характеристике языкового союза*, вышедшей в Париже в 1931 году¹⁰.

Le slaviste russe R. Jakobson a essayé de réaliser dans une monographie très suggestive ce que nous nous promettons ici de recherches futures. Sa reconstruction de l'histoire du système phonologique préhistorique me paraît moins heureuse que les considérations renfermées dans d'autres chapitres du même

ouvrage, concernant des périodes plus avancées de l'histoire phonologique du slave et, particulièrement, du russe <...>. D'ailleurs, nous ne pouvons pas faire un grief à un savant de ce qu'il ne maîtrise pas entièrement une tâche si difficile, à peu près impossible ; notre science linguistique, qui avance en tâtonnant, commence à peine, dans ce domaine, à formuler les problèmes.[Wijk, 1937a : 497]

M. Jakobson établit une règle générale : la présence de plus d'une intonation et la corrélation entre les consonnes dures et mouillées s'excluent mutuellement [...]. Je ne réponds pas de la justesse de cette règle, mais ce qui est pour moi hors de doute, c'est que nous devons diriger nos recherches dans le sens indiqué par M. Jakobson. [Wijk, 1937b: 29-30]

- 12 Оригинал статьи Якобсона, посвященной изучению истории чешского и словацкого литературных языков [Jakobson, 1937], хранится в муниципальной библиотеке Дижона, в фонде профессора Жюля Легра¹¹. Текст напечатан на пишущей машинке с русским шрифтом, вероятно, самим Якобсоном. По-видимому, у него не было машинки с латинским шрифтом, а тем более с чешской диакритикой. Иногда лишние буквы забиваются, и можно предположить, что автор правил текст в процессе написания или перепечатывания статьи. Пишет Якобсон живым и понятным русским языком, обращаясь не к лингвистам, а к славистам. Для журнала и для переводчика он делает карандашом рукописные дополнения: чешские и словацкие фамилии, одна фраза на старочешском, короткие обороты на французском и название статьи (« L'histoire du tchèque et du slovaque littéraire »). А также вносит небольшую стилистическую правку. Однако переводчика (видимо, Жюля Легра) все же затрудняли лингвистические термины: он подчеркнул их и отметил галочками на полях. Иногда Якобсон вставляет французские слова и обороты, как бы обращаясь напрямую к французскому читателю, но переводчик их правит. Так, автор пишет: « la conformité des moyens linguistiques au but posé », а переводчик: « l'adaptation des moyens linguistiques au but proposé ».
- 13 В детстве Романа Якобсона, так же как Эльзу Каган (Триоле), учила французскому языку мадемуазель Даш, и все трое не

грассировали. В предвоенные годы французский служит Якобсону скорее для общения и для чтения, чем для написания научной работы.

- 14 Статья во французском журнале подкрепляет научную европейскую репутацию Якобсона, а также репутации коллег и друзей, о чьих работах он рассказывает. Это рецензия на дополнительный том издания *Чехословацкое отечествоведение* (1936), две трети которого занимает исследование Богуслава Гавранека: «Профессор Масарикова университета в Брне Bohuslav Navránek своим этюдом “Развитие чешского литературного языка”...». В 1932 году профессора Гавранек и Травничек, члены Пражского лингвистического кружка, вместе написали положительный отзыв для хабилизации Якобсона в университете Брно и далее решительно защищали его от нападков коллег [Якобсон, 2011: 134–142]. Благодаря им Якобсон получил работу в этом университете. Критическое замечание оборачивалось благодарностью:

Учет чешских глосс в еврейских памятниках позволил бы отодвинуть на век назад дату древнейшей записи чешской фразы, поскольку в сочинении талмудиста XII века Joseph Simon Kara мы находим тщательно воспроизведенную, любопытную чешскую фразу: *Toliko budi státý a ne měj sã jiné péci.*¹²

(Благодарю проф. Ф. Травничека за содействие в расшифровке этой фразы.) [Якобсон, см. Приложение]

- 15 Вторая, меньшая часть статьи посвящена разбору второй части рецензируемой книги, *Словацкий литературный язык*, написанной профессором университета в Братиславе Вацлавом Важным. После сдержанных похвал Якобсон быстро переходит к главной для него проблеме: развитию чехословацкого литературного языка.

...в настоящее время лучшим лекарством против вредных попыток искусственно углубить отличия словацкого литературного (языка) от чешского и затруднить таким образом взаимное понимание была бы, думается, постановка вопросов как словацкого, так и чешского языкового строительства в

Не менее актуальна была бы объединенная работа чешских и словацких специалистов по последовательной унификации чехословацких орфографических принципов и по подготовке совместной реформы правописания. Я привожу лишь отдельные примеры из числа разнообразных проявлений языкового сотрудничества, которые способны упрочить взаимную культурную связь, но отнюдь не посягают на то, что составляет подлинную индивидуальность отдельной языковой системы и что делает родной язык близким и родным народным массам. [Якобсон, см. Приложение]

- 16 Якобсон хвалит исследования друзей и коллег. При этом он подчеркивает важность старославянского языка для чешского. Он переходит от идеи евразийского единства (лингвистического, географического, политического) к поддержке славянского единства, сближения чешского и словацкого литературных языков и сотрудничества чешских и словацких лингвистов в этой области. Поэтому ученый считает самой актуальной задачей сравнительную историю славянских литературных языков.
- 17 Открывает этот номер журнала статья «Дух чехословацкой истории» профессора Камиля Крофты историка и дипломата, министра иностранных дел (1936-1938). Якобсон был знаком с ним. Крофта рассказывает о многовековой истории Чехии и Словакии и пишет в заключении о защите единства страны:

...la Tchecoslovaquie, ne convoitant rien de ce qui appartient à autrui, est résolue à défendre de toutes ses forces ce qui est à elle par le droit et par la justice, afin de pouvoir vivre librement d'après sa propre volonté et d'après les idéals qui lui sont propres...¹³
[Krofta, 1937 : 352]

- 18 Однако спустя полгода журнал прекратил существование. Последний номер *Le Monde slave* вышел в июле 1938 году. После Мюнхенского соглашения, заключенного в сентябре 1938, Чехословакия под давлением Германии распалась на части. 14 марта 1939 Словакия отделилась, а 15 марта 1939 года Германия оккупировала Чехию.
- 19 Роман Якобсон вместе с женой уехали 15 марта из Брно в Прагу, где прятались от немцев в ожидании визы. В апреле 1939 года они

перебирались в Данию, в сентябре в Норвегию, в апреле 1940 года в Швецию, а в мае 1941 отплыли в США.

Приложение: машинописная рукопись статьи Романа Якобсона (1936)

L'histoire du tchèque et du slovaque littéraire¹⁴,
Československá vlastivěda. Řada II. Spisovný jazyk český
a slovenský, Praha, Sfinx, 1936. — 230 p.

- 20 Третий том ценной многотомной публикации «Чехословацкое отечествоведение», посвященный вопросам языка, оказался урезан в своем содержании вопреки плану редактора этого тома, авторитетного пражского лингвиста О. Нугера¹⁵. Выпали работы, трактующие историю чешского и словацкого литературного языка, а также статьи о языках ~~наиболее~~¹⁶ некоторых drobных меньшинств Чехословацкой республики (о говорах польских, румынских и идиш). Первую из этих задач осуществляет специальный дополнительный том.
- 21 Профессор Масарикова университета в Брне Bohuslav Havránek¹⁷ своим этюдом¹⁸ «Развитие чешского литературного языка», занимающим две трети названной книги, восполняет существенный пробел в чешском языковедении и в истории отечественной культуры. Его работа является собственно первым опытом систематического анализа истории чешского литературного языка; ~~поскольку~~ до сих пор не было ничего, кроме эпизодических статей по отдельным узким вопросам или черновых сводок сырого фрагментарного материала или наконец беглых популярных обзоров. Мало того, по широте захвата и по строгости метода этот труд занимает исключительное место в изучении славянских литературных языков вообще. До недавнего времени в славистике проблематика литературного языка и его эволюции оставалась собственно на периферии исследовательских интересов, и только за последнее время здесь начинает наблюдаться отраднй поворот (работы Виноградова¹⁹, Булаховского²⁰, Трубецкого²¹, Lehr-Splawiński²² и др.). Прежде чем взять на себя эту ответственную

задачу автор продумал и осветил в ряде специальных этюдов основоположные²³ теоретические проблемы литературного языка, отличительные особенности его структуры, его отдельные функции в культурной жизни общества, его сложную социальную подоплеку и особенно сущность и роль языковой нормы. С другой стороны он принял деятельное участие в практической постановке и разработке жгучих вопросов современного чешского литературного языка, его кодификации, школьного преподавания и терминологического обогащения.

- 22 Наврnek начинает терминологическое рассмотрение чешского литературного языка с характеристики того начального периода чехословацкого христианства (IX–XI в.), когда здесь в роли языка богослужения и письменности конкурировал с латынью и претендовал на руководящую роль le vieux slave, созданный славянскими первоучителями, святыми Кириллом и Мефодием, для Великой Моравии и уже в конце IX века проникший в княжество de Bohme. На рубеже <начало предыдущего слова забито машинкой> тысячелетий этот первый и в течение веков единственный славянский литературный язык стал, как справедливо подчеркивает исследователь, общим языком почти для всех славянских племен и таким образом третьим международным языком в Европе рядом с латинским и греческим. Эта международность не мешала чехам, которые им пользовались, воспринимать его как свой национальный язык, во-первых потому, что «различия между ним и тогдашним чешским языком были меньше, чем нынешние различия между отдельными чехословацкими наречиями», а во-вторых потому, что на чешской почве он явно приспособлялся к местным звуковым, грамматическим и словарным навыкам.
- 23 Рискованным нам представляется предположение о неуклонном внутреннем упадке старославянского языка в чешской обстановке. Если в Пражских отрывках²⁴ увеличивается число ошибок и погрешностей по сравнению с более древним памятником чешской редакции старослав. языка — Киевскими листками²⁵, то можно напомнить, что подобное прибывание ошибок наблюдается и в истории южнославянской и русской письменности раннего Средневековья. Это просто

характерный симптом постепенной акклиматизации старославянского языка у отдельных славянских народов. Кстати сказать, любопытно, что ошибки в Пражских отрывках нарастают, но орфографическая норма по сравнению с Киевскими листками почти не подверглась дальнейшей чехизации. Старославянский язык в Чехии продолжал сохранять высокую нагрузку — он по-прежнему служил духовной поэзии и прозе, переводной и оригинальной.

- 24 Очень поучительны соображения автора о влиянии старославянской лексики на старочешский литературный язык. Можно было бы параллельно отметить и влияние кирилломефодиевской традиции на экспансию чешского языка за счет латинского. Интересно поставлена проблема возникновения среднечешской *koivŕ* и ранней унификации чешского литературного языка. Большое внимание уделяет Navránek переходу от «примитивной» системы правописания к «лигатурной», совершившемуся на протяжении XIII века. Это преобразование характерно как показатель коренного изменения в отношении к чешскому языку. Если раньше чешские фонемы подгонялись под латинский алфавит, лигатурное правописание перелицовывает латинский алфавит, приспособляя его к передаче чешской системы фонем.
- 25 Наглядно показан в книге могучий рост чешского языка в течение готической эпохи на фоне высокого политического и культурного подъема чешского общества и его стремительной социальной дифференциации и перегруппировки. Подвергнут вдумчивому разбору вопрос об отношении чешского языка к латинскому и немецкому, словарь и синтаксис богатой поэзии XIV века, создание национального административно-правового языка. Пожалуй более подробного рассмотрения заслуживал бы язык прозаической литературы XIV века и замечательные словари Кларета²⁶, охватывающие все области культурной терминологии, труд единственный в Европе того времени подобно неподражаемому опыту de Tomáš Štitný²⁷ передать на живом национальном языке систему схоластической философии. Нововведения гуситской эпохи Navránek обдуманно связывает с ее социальными сдвигами и в языковых новшествах этого времени усматривает прежде всего тенденцию к

демократизации. Впервые в чешской лингвистической литературе дан наконец систематический обзор внешней экспансии чешского языка до XVI века включительно, особенно его многовекового глубокого влияния на польский язык; выдвинута надлежащим образом и Силезия как традиционный и основной проводник этого влияния. Названный обзор мог бы быть дополнен с одной стороны рассмотрением прямого и косвенного чешского влияния на восточнославянский языковой свет²⁸, с другой стороны показаниями о степени проникновения чешского языка к немцам и среднеевропейским евреям. Учет чешских глосс в еврейских памятниках позволил бы ~~позволяет~~ отодвинуть на век назад дату древнейшей записи чешской фразы, поскольку в сочинении талмудиста XII века Joseph Simon Kara²⁹ мы находим тщательно воспроизведенную, любопытную чешскую фразу: *Toliko budi státý a ne měj sã jiné pécí.*

- 26 (Благодарю проф. Ф. Травничека за содействие в расшифровке этой фразы.)
- 27 Впервые нашли себе в работе Гавранка синтетическую оценку разнообразных модификаций, которым чешский гуманизм подверг отечественный литературный язык. Конец XVI века, характерная эпоха стабилизации, положил солидные основы новочешской языковой нормы. Думается, развитие чешского литературного языка за последние полтора столетия было бы избавлено от многих болезненных кризисов и блужданий, если бы эпоха Возрождения, определившая в главных чертах его строй, была здесь богаче поэтическим творчеством и создала бы художественный канон долговечной значимости.
- 28 Несмотря на повышенный интерес к чешской словесности эпохи барокко, вопросы языка и литературной формы XVII в. остаются в чешской науке наименее обследованными. Navránek порывает с традицией огульного осуждения размашистой языковедческой деятельности названной эпохи. Страсть к словоновшеству он объясняет наплывом иностранных слов, но эстетические принципы европейского барокко играют тут неменьшую роль. Положительную роль эпохи он видит в социальной экспансии языковой культуры — в ее демократизации, но в противовес модному увлечению чешским литературным барокко он не

закрывает глаз и на отрицательную роль эпохи в истории чешского литературного языка, а именно ее социальную деградацию: он захватывает правда низшие общественные слои, но одновременно теряет слои высшие, а равно и ряд высших культурных функций. Читатель ждал бы в этой связи истории драматической борьбы за утраченные позиции чешского языка, он ждал бы интерпретации многочисленных апологий чешского языка — от иезуита Bohuslav Balbin'a³⁰ до Jan Rulík³¹ (1792) и вообще рассмотрения той социально-политической обстановки, в которой подготовлялось и назревало национальное и в частности языковое пробуждение чехословацкой общественности.

29 Зато анализ языкового строительства эпохи пробуждения (последняя четверть XVIII в. и первая половина XIX) принадлежит к числу наиболее блестящих страниц работы Гавранка. Четко выступают различные концепции трех чешских грамматиков на заре этой эпохи Tomsa, Pelcl et Dobrovský³², основоположная роль последнего в кодификации грамматической нормы, и решающая заслуга следующей смены (школы Jungmann'a³³) в деле обогащения национальной лексики. Остается в памяти *Op retien dra* <вписано над строкой, сохранено в переводе> меткая оценка языковых достижений этого поколения: это синтез идей чешского барокко и научного опыта эпохи просвещения. Подробно рассмотрены основные стимулы, принципы, источники и многообразные задачи словарного строительства. Не менее интересны замечания по стилистике Jungmann'a и его современников, т.е. запоздалого чешского классицизма, согласно верному определению Arne Novak'a: Havránek указывает на прямую связь с прозой чешского гуманизма и видит в языке Палацкого (Palacký)³⁴ апогей и завершение гуманистического чешского языка. На смену вторгается поэтика романтизма, в своих языковых средствах связанная, как уже заметили историки чешской литературы, с поэзией барокко.

30 Языковые, словарные и языковые новшества дальнейшего периода (с середины XIX века до национального освобождения) Гавранек возводит к следующим основным факторам: расширение социальной базы литературного языка в связи с неуклонной демократизацией культуры и расширение задач

литературного языка, связанного с растущей дифференциацией культуры, в особенности с развитием науки, техники и прессы. Естественны эпизодические вспышки пуристической реакции против этой стремительной перелицовки и прироста словаря и фразеологии. Автор на них внимательно останавливается и приходит к выводу, что «общий итог пуристических усилий незначителен». Лингвистам <изначально лингвистикам, два знака зачеркнуты машинкой> младограмматического толка, занявших в девяностых годах руководящее место в чешской научной жизни, словарный пуризм был чужд; центром их внимания была скорее грамматическая система; в кодификации морфологии и синтаксиса они чем дальше, тем настойчивее проявляли архаизаторскую³⁵ тенденцию, нередко воскрешая устарелые формы, отвергнутые в свое время уже Добровским; результаты этой консервативной работы вошли в учебники и по большей части остаются до сих пор в силе. Роль архаизаторов словаря и фразеологии берут на себя уже после мировой войны преимущественно эпигоны младограмматической школы, но их деятельность оказывается в резком конфликте как с реальными потребностями государственно и культурной жизни в освобожденной Чехословакии, так и с новыми течениями в чешской лингвистике, ставящими во главу угла уже не историзм, а вопрос *de la conformité des moyens linguistiques au but posé*. Лозунги пуристов оказываются в непримиримом противоречии с характерными тенденциями современного поэтического языка. Как отмечает автор, после попыток снижения поэтического языка отчасти путем ориентации на деревенский язык и стилистику (Havlíček, Němcová, Erben³⁶), отчасти путем приближения к языку широких слоев городского населения (Neruda³⁷) и после <вписано над строкой> новых отклонений в сторону замкнутого, эксклюзивного, даже эзотерического языка (наиболее характерен поэт-символист О. Vřezina³⁸) наступает эпоха типично антитетической поэтики; ее характерным приемом становится преднамеренный перебой стилей, их прихотливое, вызывающее сочетание. Автор анализирует под этим углом зрения стихи Wolker'a и Nezval'a и прозу Ванчуры Vančura³⁹. Обзором злободневных орфоэпических, орфографических, грамматических и лексикальных⁴⁰ вопросов чешского литературного языка

заканчивается превосходная работа Гавранка, за которой, будем надеяться, последует дальнейшая, более развернутая истории чешского литературного языка, трактованная с обстоятельностью знаменитого труда Brunot⁴¹. Тема этого заслуживает и требует, и автор ею владеет. Другая плодотворная задача, на которую намекает работа Гавранка, и которая становится все актуальнее, это сравнительная история славянских литературных языков.

- 31 Следующая статья в книге — *Словацкий литературный язык*, написанная заслуженным знатоком словацкой языковой географии, профессором университета Komenský в Братиславе В. Важным (Václav Vážný)⁴² построена по иному плану. Ее основное содержание составляет поучительный перечень славянских <вписано над строкой> документов и литературных произведений, возникших на словацкой территории, начиная со средневековья и кончая XIX веком, и исторический обзор ученых опытов создания и кодификации самостоятельного словацкого литературного языка, начиная с конца XVIII века, подробный разбор отношения этих опытов к словацким народным говорам, краткое сопоставление звукового и грамматического состава словацкого и чешского литературного языка в аспекте синхроническом и генетическом, замечания о чешских и иноязычных словарных элементах в современном словацком литературном языке, очерк его изучения и осуждение новейших пуристических потуг. Работа Важного, равно как и Гавранка, снабжена ценной антологией отрывков, иллюстрирующих начатки и эволюцию обоих литературных языков, и указателем важнейшей литературы вопроса.
- 32 Как ни велика роль грамматиков в истории литературного языка вообще и литературных языков недавнего происхождения в особенности, деятельностью теоретиков такого языка далеко не исчерпывается, а между тем Vážný почти не касается истории языка словацкой художественной литературы, не ставит вопроса, что принесли словацкому литературному языку такие разнохарактерные явления как напр. фольклорная ориентация романтиков, изощренная поэтическая речь Hviezdoslav'a⁴³ или реалистическая проза. Вне рассмотрения осталась и роль развития словацкой прессы и публицистики, в частности деятельность т. н «hlasist'ов» (словацкой прогрессивной группы,

объединившейся на исходе минувшего столетия вокруг журнала «Hlas») ⁴⁴, деятельность, сыгравшая немалую роль в развитии словацкого литературного языка и в прививке этому языку чешской культурной терминологии. Содержательная статья уделяет внимание почти исключительно вопросу о заимствованиях литературного языка (из народных говоров и из других языков), оставляя в тени как вопрос о функции этих заимствований (напр. о поэтической функции русизмов), так и кардинальную проблему внутренних творческих сил словацкого литературного языка (синтез и переосмысление заимствуемых элементов, характер словотворчества и т. д.). Хотелось бы найти здесь информацию и о постановке орфографических, орфоэпических, терминологических и т.п. вопросов в современной Словакии.

- 33 Центральную проблему работы составляет отношение словацкого литературного языка к чешскому. Собранный воедино автором материал вызывает ряд вопросов. Исходная точка зрения Важного, нашедшая себе впрочем лапидарное выражение уже в классической формулировке чехословацкой конституции, бесспорно правильна: словацкий литературный язык настолько близок к чешскому, что скорее уместно толковать их как две равноправные версии единого чехословацкого языка, а не два самостоятельных литературных языка. Чешские и словацкие народные говоры составляют несомненное лингвистическое целое с целой гаммой пограничных переходных зон. Чехословацкое лингвистическое объединение (*unité*) располагает двумя вариантами литературного языка — чешским и словацким. Эта двойственность несколько не препятствует взаимному пониманию, поскольку мы вправе в синхроническом аспекте говорить именно о вариантах. Различия в звуковом облике не мешают говорящим осмыслять слова и формы общего происхождения как общие слова и формы, а на фоне преобладания таких слов несходные слова одного значения воспринимаются просто как синонимы.
- 34 Тесная сопринадлежность чешского и словацкого восходит к праистории славянских языков, как показывает ряд общих знаков, недавно подытоженных Травничком (*Trávníček*). Иногда возражают против этого тезиса ссылкой на изоглоссы древнего

происхождения, пересекающие чехословацкий языковой мир. Но во-первых общеизвестно, что диалектическое членение отнюдь не исключает языкового единства, и подобные доисторические изоглоссы пересекают напр. территорию словенского языка, или же напр. отделяют кашубский от польского или северновеликорусское (наречие) от прочих восточнославянских диалектов; во-вторых упомянутые изоглоссы доисторического происхождения отделяют не словацкий от чешского, а среднесловацкое наречие от прочих словацких говоров, так что ни в каком случае они не способны служить историческим аргументом в пользу принципа обособленного словацкого единства против единства чехословацкого.

- 35 Поскольку *Vážný* учитывает тесное историческое родство чешского и словацкого, их современную близость и наконец интенсивное влияние чешской грамматической и орфографической структуры и особенно словаря на создание и рост словацкого литературного языка, невольно напрашивается дальнейший вывод: нет резкой непроходимой черты между словацким литературным языком и чешским в роли литературного языка словаков. Эта граница также условна, как граница между русским языком и *le slavon* в роли литературного языка в России. В обоих случаях это вопрос процентного соотношения и соответственно преобладания первого или второго элемента в гибридном литературном языке. Вспомним, как характеризует словацкий языковед *L. Novák*⁴⁵ современный отечественный литературный язык: «О нашей научной и особенно журналистической⁴⁶ прозе говорят не без основания, что это почти чистый чешский (язык) в словацкой звуковой транскрипции. *Mutatis mutandis* то же остается в силе, хотя и не в такой степени, в отношении к нашей поэзии», особенно к поэзии современной. *L. Novák* подчеркивает, что лексикальные и морфологические отличия словацкого литературного языка от чешского незначительны, и что наиболее проявляется индивидуальность ~~первого~~ каждого из них <каждого из них написано над строкой> в звуковой форме. Прежде всего в звуковой форме сказывается и приспособление чеш. языка к словацким условиям, как свидетельствует орфография текстов словацкого происхождения XVI–XVIII вв. и

некоторых позднейших опытов внедрения чешского языка в Словакии (публикации 1850 г.). Если нет орфографического приспособления, то налицо по меньшей мере орфоэпическое, как отчетливо констатирует напр. трнавский учебник орфографии (publié à Trnava) 1780 г. (см. Vážný 177). Иератический язык наименее подвержен местной окраске, — в этом отношении чешский язык словацкого протестантизма схож с slavon московского православия. Католичеству с его иератической латынью чешский язык служил лишь в качестве пропагандистского подспорья, граница письменного языка и разговорного здесь легче стирается, и разговорный язык словацкой интеллигенции, напр. трнавского студенчества, подготавливает, согласно меткому наблюдению Гавранка, более систематическую словакизацию литературного языка (стр. 105). Но и реформа Bernolák'a⁴⁷ при всем усилении местной окраски сохраняет, как верно отметил Vážný, чешскую базу литературного языка, меняя, согласно традиции, главным образом звуковой облик. Характерно, что те же два течения, которые, ориентируясь на широкие народные массы, демократизовали чешский язык, кладут и <вписано над строкой> начало кодификации словацкого литературного языка. Антиреформация со своей массовой пропагандой увенчалась в словацкой языковой жизни попыткой Bernolák'a, а демократическая волна сороковых годов, нашедшая себе интенсивное продолжение во второй половине XIX века, проявилась в успешном почине Štúr'a⁴⁸. При всей специфике местных условий история литературного языка в Словакии несомненно выиграла бы в ясности основных линий, если бы она рассматривалась в одном контексте с параллельными чешскими явлениями.

- 36 Две основных концепции находят свое выражение в словацкой духовной жизни XIX века — первая признает две отдельные формы литературного языка, чешскую и словацкую; вторая, представленная напр. Kollár'ом⁴⁹, Šafařík'ом⁵⁰, позднее Radlinský'м⁵¹ настаивает на единообразии чехословацкого литературного языка. Эта концепция предполагала чехословацкую ориентацию не только со стороны словаков, но и со стороны чехов; имелись соответственное ввиду чешские <вписано над строкой> уступки словацким языковым

навыкам в кодификации национального языка. Компромиссный характер литературного языка, способствующий его экспансии, явление нередкое. Названная тенденция, нашедшая себе адептов и в Моравии, не встретила однако сочувствия в Праге. Гавранек прав, напоминая, что новочешская литературная норма была уже в то время в основных чертах стабилизирована, и поэтому некоторые конкретные предложения реформ, выдвинутые словаками и мораванами *<подчеркнуто карандашом редактором-переводчиком, с галочкой на полях>* представлялись неисполнимыми, но с другой стороны различные (maintes) вопросы литературного языка оставались еще открытыми, и тем не менее они продолжали трактоваться исключительно под местно-чешским углом зрения. Трудно согласиться с Vážný'm, который сомневается, чтобы словацкий языковой сепаратизм находился в генетической связи с сепаратизмом *<вписано над строкой>* чешским. Можно указать параллельные явления и в довоенной чехословацкой политической жизни. Так и в настоящее время лучшим лекарством против вредных попыток искусственно углубить отличия словацкого литературного (языка) от чешского и затруднить таким образом взаимное понимание была бы, думается, постановка вопросов как словацкого, так и чешского языкового строительства в чехословацком масштабе и под чехословацким углом зрения. Специальные чешские комиссии заняты разработкой и стандартизацией чешской научной, технической и административной терминологии. Языковеды Словакии работают нас аналогичными вопросами в пределах словацкого. Разве не была бы рациональнее работа объединенных чехословацких комиссий, непосредственно направленная к совместному созданию максимально схожей терминологии для обоих идиомов? Не менее актуальна была бы объединенная работа чешских и словацких специалистов по последовательной унификации чехословацких *<вписано над строкой>* орфографических принципов и по подготовке совместной реформы правописания. Я привожу лишь отдельные примеры из числа разнообразных проявлений языкового сотрудничества, которые *<слово вписано над строкой>* способных *<зачеркнута буква x в конце слова>* упрочить взаимную культурную связь, но *<вписано над строкой>* отнюдь не посягают *<посягая исправлено на посягают>* на то, что составляет

подлинную индивидуальность отдельной языковой системы и что делает родной язык близким и родным народным массам.

R. Jakobson

Галкина Ю. М., 2024, *Против России и Германии: французская разведка на русском направлении в 1914–1920-е гг.*, Екатеринбург, изд. Уральского университета.

Гланц Томаш, 1999, Разведывательный курс Якобсона, *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*. Отв. ред. Х. Баран, С. И. Гиндин, Москва, РГГУ, с. 354–362.

Данилова О. С., 2013, Жюль Легра: новые штрихи к портрету (по материалам личного фонда), *Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века*, Москва, Институт всеобщей истории РАН, с. 26–49.

Данилова О. С., 2014а, Сибирские путешествия Жюль Легра сквозь призму полемики о колонизации конца XIX века, *Россия и Франция. XVIII–XX века*, вып. 11. Отв. ред. и сост. П. П. Черкасов, Москва, изд. Весь мир, с. 72–93.

Данилова О. С., 2014b, Жюль Легра: геном русской души, *Уральский исторический вестник*, № 5 (45), с. 41–49.

Зеленка Милош, 1997, Роман Якобсон и славистические исследования межвоенных лет (по поводу дискуссий о характере и границах понятия «славянская филология»), *Славяноведение*, № 4, с. 64–76.

Малевич О. М., 2007, Роман Якобсон по-чешски, *Русская литература*, № 1, с. 104–117.

Робинсон М. А., Петровский Д. П., 1992, Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД), *Славяноведение*, № 4, с. 68–82.

Автономова Н. С., Баран Х., Щедрин Т. Г. (ред.), 2017, *Роман Осипович Якобсон*, Москва, РОССПЭН.

Серио Патрик, 1999, Лингвистика географов и география лингвистов: Р. О. Якобсон и П. Н. Савицкий, *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*. Отв. ред. Х. Баран, С. И. Гиндин, Москва, РГГУ, с. 348–353.

Сорокина М. Ю., 2000а, «Ненадежный, но абсолютно незаменимый». 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика–Якобсона», *In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина*, Санкт-Петербург, Париж, Феникс–Atheneum, с. 117–142.

Сорокина Марина, 2020b, Большая славистика и большая политика: Роман Якобсон (1896–1982) и Королевство сербов, хорватов и словенцев, *Славистика*, XXIV/1, Београд, с. 19–35.

Якобсон Р. О., 2011, *Формальная школа и современное русское литературоведение*. Ред.-сост. Т. Гланц. Ред. Д. Сичинава. Перевод с чешского Е. Бобраковой-Тимошкиной, Москва, Языки славянских культур.

Bernard Antonia, 2002, *Le Monde slave*, première revue française consacrée aux pays slaves, *Revue des études slaves*, t. 74, fasc. 2–3, p. 397–409.

Bogatyrev P., 1936, Le musée littéraire d'État de l'URSS et son activité en Tchécoslovaquie, *Le Monde slave*, t. II, mai, N° 5, p. 463–475.

Chevalier Jean-Claude, 1997, Trubetzkoy, Jakobson et la France, 1919–1939, *Cahiers de l'ILSL*, n° 9, p. 31–43.

Jakobson Roman, 1920–1921, Vliv revoluce na ruský jazyk (Poznámky ke knize André Mazona, *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*), *Nové Atheneum*, měsíčník vědecký, t. 2, 1920–1921, s. 110–114, 200–212, 250–255, 310–318. Издание отдельного оттиска: Jakobson Roman, 1921, *Vliv revoluce na ruský jazyk*, Praha, Tisk Edvarda Leschinga, 1921.

Jakobson Roman, 1929, *Nejstarší české písně duchovní*, Praha, Ladislav Kuncíř.

Jakobson Roman, 1931, Les unions phonologiques de langues, *Le Monde slave*, t. I, mars, N° 3, p. 371–378.

Jakobson Roman, 1933, Masaryk vu par Tolstoï (Extrait des archives de D. Makovický, déposées au Musée national de Prague), *Le Monde slave*, t. IV, décembre, N° 12, p. 383–391.

Jakobson Roman, 1934, Slavische Sprachfragen in der Sovjetunion, *Slavische Rundschau*, Nr. 6, S. 324–343.

Jakobson R., L'histoire du tchèque et du slovaque littéraire [de Bohuslav Havránek et Václav Vázný], dactylocopie, Ms4094/19, 1936, fonds Jules Legras, Bibliothèque municipale de Dijon.

Jakobson Roman, 1937, L'histoire du tchèque et du slovaque littéraires, *Le Monde slave*, t. IV, décembre, N° 12, p. 353–367.

Kabakova Galina, 2026, Mazon et les contes macédoniens, *Le centenaire de l'Institut d'études slaves*, à paraître.

Krofta Kamil, 1933, Tchèques et Slovaques jusqu'à leur union politique, *Le Monde slave*, t. I, mars, p. 321–347, t. II, avril, N° 4, p. 1–38.

Krofta Kamil, 1937, L'esprit de l'histoire tchécoslovaque, *Le Monde slave*, t. IV, décembre, p. 321–352.

Lednicki Venceslas, 1926, Existe-t-il un patrimoine commun d'études slaves ?, *Le Monde slave*, décembre, N° 12, p. 411–431.

Lubinskij S. <Savickij P.>, 1931a, L'eurasisme, *Le Monde slave*, t. I, № 1, janvier, p. 69–91.

Lubinskij S. <Savickij P.>, 1931b, Bibliographie de l'eurasisme, *Le Monde slave*, t. I, mars, № 3, p. 388–421.

Ripka H., 1930, Le millénaire de Saint Venceslas, *Le Monde slave*, t. IV, octobre, №1, p. 1–24, t. IV, novembre, № 2, p. 227–247, t. IV, décembre, № 3, p. 384–413.

Savickij P., 1931, L'Eurasie révélée par la linguistique, *Le Monde slave*, t. I, mars, № 3, p. 364–370.

Vostokov P. <Savickij P.>, 1934, Le premier congrès des écrivains soviétiques (17 août–1er septembre 1934), *Le Monde slave*, t. IV, octobre, № 10, p. 68–94.

Wijk van N., 1937a, Le slave commun dans l'ensemble indo-européen, *Le Monde slave*, t. I, mars, p. 472–499.

Wijk van N., 1937b, Les langues des slaves de l'Est, *Le Monde slave*, t. III, juillet, p. 14–40.

1 Журнал был основан в 1917–1918 годах, когда вышли два первых номера, а затем издавался с 1924 по 1938 год (Bernard, 2002).

2 О Жюле Легра: Данилова, 2013; 2014а; Данилова, 2014b.

3 См. в настоящем номере статью Катрин Депретто, посвященную сравнению двух главных французских славистических журналов — « *Le Monde slave et la Revue des études slaves dans l'entre-deux-guerres : éléments de comparaison* ».

4 Во время войны Андре Мазон пошел добровольцем в армию и сочетал разведывательную деятельность и научную, в частности собирал на Балканах в 1916–1917 годах македонские сказки [Kabakova, 2026, в печати].

5 Одновременно в Россию были посланы французской разведкой несколько славистов, учеников профессора Поля Буайе [Галкина, 2024: 138–145].

6 André Mazon, *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918)*, Paris, Honoré Champion, 1920.

7 Рецензию на эти две работы написал Франтишек Травничек [Trávníček, 1922].

8 О научном взаимодействии Петра Савицкого и Якобсона см. блестящую статью Патрика Серо [Серо, 1999].

- 9 В публикуемой в приложении статье Якобсон упоминает словацких последователей Масарика, на рубеже XIX–XX веков объединившихся вокруг журнала *Hlas*.
- 10 Доклад Якобсона «О теории фонологических союзов между языками» («*Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues*») на IV Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене в августе 1936 будет опубликован только в 1938 году (*Actes du IVe Congrès international des linguistes tenu à Copenhague du 27 août au 1er septembre 1936*, Copenhague, E. Munksgaard, 1938).
- 11 Я выражаю искреннюю признательность сотрудникам библиотеки за помощь в работе.
- 12 «...будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся», Иисус Навин, 1 : 9 (Синодальный перевод).
- 13 До того в журнале вышла другая его статья на эту тему [Krofta, 1933].
- 14 В переводе множественное число: *littéraires*. Возможно, Якобсон следовал обычному для разговорного русского языка словоупотреблению, либо хотел подчеркнуть необходимость совместной работы чешских и словацких лингвистов для нормализации литературного языка.
- 15 Олдржих Гуйер (Oldřich Hujer, 1880–1942), чешский лингвист, индоевропеист, профессор Карлова университета. Занимался сравнительным индоевропейским и славянским языкознанием, историей и диалектологией чешского языка. В 1930 году написал рекомендацию Якобсону для получения места в университете [Якобсон, 2011: 124]. Слова латиницей вписаны автором от руки карандашом.
- 16 Здесь и далее воспроизведены вычеркивания или подчеркивания самого Якобсона. Другие авторские маргиналии поясняются в тексте статьи в угловых скобках.
- 17 Богуслав Гавранек (Bohuslav Havránek, 1893–1978), чешский славист, член Пражского лингвистического кружка [Якобсон, 2011: 134–142].
- 18 Калька с французского *étude*. В переводе на французский: *un travail* [Legras, 1937: 353].
- 19 В. В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.*, Москва, Госуд. учебно-педагогическое издательство, 1934. Виктор Виноградов был арестован в 1934 году по «делу славистов», находился в ссылке с 1934 по 1936 и с 1941 по 1943 годы. Якобсон и

Трубецкой фигурировали в деле как руководители зарубежного русского фашистского центра Российской национальной партии [Робинсон, Петровский, 1992].

20 Леонид Арсеньевич (Лейзер Аронович) Булаховский (1888–1961), лингвист младограмматик, в тридцатые годы преподавал в Харькове. Л. А. Булаховский, *Исторический комментарий к литературному русскому языку*, Харьков, Киев, Радянська школа, 1936.

21 Кн. Н. С. Трубецкой, *Общеславянский элемент в русской культуре, Проблема русского национального самопознания. Сборник статей.* <Paris>, Евразийское книгоиздательство, 1927, с. 54–94.

22 Тадеуш Лер-Сплавиньский (Tadeusz Lehr-Spławiński, 1891–1965), польский лингвист славист. Профессор Ягеллонского университета (1929–1962). В ноябре 1939 был арестован немцами и до февраля 1940 года находился в концлагере Заксенхаузен. Т. Lehr-Spławiński, A. Brückner, *Zarys dziejów literatur i języków literackich słowiańskich*, Lwów, K. S. Jakubowski, 1929.

23 Основополагающие, в переводе: *essentiels*.

24 Пражские отрывки — старославянская глаголическая рукопись XI века.

25 Киевские листки (Киевский миссал) — старославянская глаголическая рукопись X века.

26 Словари гуманитарных наук, изучаемых в Карловом университете в Праге, основанном Карлом IV в 1346 году.

27 Томаш Штитный (Tomáš Štítný, ок. 1333 – между 1401 и 1409), автор первых прозаических произведений на чешском языке, в том числе *Книжки о делах христианских* (около 1376).

28 Слово *свет* употребляется здесь в значении *мир*.

29 Иосиф бен-Симон Кара (Joseph Ben Siméon Kara, יוסף בן שמעון קרא, ок. 1065–1135), французский раввин из города Труа, богослов, сторонник рационалистического (буквального) толкования Библии.

30 Богуслав Балбин (Bohuslav Balbín, 1621–1688), чешский писатель и богослов, иезуит, учитель словесности, автор труда *Апологетическая защита славянского языка, особенно богемского* (*Bohuslai Balbini dissertatio apologetica pro lingua Slavonica praecipue Bohemica*, 1775).

- 31 Ян Непомук Йозеф Рулик (Jan Nepomuk Josef Rulík, 1744–1812), чешский писатель, композитор, певец. В 1792 году в Пражском университете была создана кафедра чешского языка и литературы, и на место профессора претендовал Рулик.
- 32 Деятели чешского национального возрождения, филологи Франтишек Ян Томса (František Jan Tomša, 1753–1814), Йозеф Добровский (Josef Dobrovský, 1753–1829), Франтишек Мартин Пельцль (František Martin Pelcl, 1734–1801).
- 33 Йозеф Юнгман (Josef Jungmann, 1773–1847), поэт и филолог, деятель чешского национального возрождения.
- 34 Франтишек Палацкий (František Palacký, 1798–1876), чешский историк и политик.
- 35 Слышится переключка с книгой Юрия Тынянова *Архаисты и новаторы* (1929).
- 36 Чешские прозаики и поэты Карел Гавличек-Боровский (Karel Havlíček Borovský, 1821–1856), Божена Немцова (Božena Němcová, 1820–1862), Карел Яромир Эрбен (Karel Jaromír Erben, 1811–1870).
- 37 Ян Непомук Неруда (Jan Nepomuk Neruda, 1834–1891), чешский прозаик.
- 38 Отокар Бржезина (Otokar Březin, 1868–1929), чешский поэт.
- 39 Иржи Волькер (Jiří Wolker, 1900–1924), Витезслав Незвал (Vítězslav Nezval, 1900–1958), Владислав Ванчур (Vladislav Vančura, 1891–1942).
- 40 Калька с французского *lexical*.
- 41 Фердинанд Брюно (Ferdinand Brunot, 1860–1938), французский лингвист, автор *Истории французского языка* (1905–1938) в одиннадцати томах.
- 42 Вацлав Важный (Václav Vážný, 1892–1966), чех, профессор Братиславского университета, главный редактор *Правил словацкого правописания* (1931).
- 43 Павол Гвездослав (Pavol Hviezdoslav, 1849–1921), настоящая фамилия Орсаг (Országh) словацкий поэт.
- 44 Идейным вождем группы «гласистов» был Томаш Масарик.
- 45 Людовит Новак (Ľudovít Novák, 1908–1992), словацкий лингвист, славист.

46 Калька с французского *journalistique*.

47 Антон Бернолак (Anton Bernolák, 1762–1813), словацкий филолог, священник, автор Филологическо-критического рассуждения о славянских письменах, об их делении, а также об ударениях, с приложением краткой и простой орфографии славянского языка, употребляемого в Венгерском королевстве (*Dissertatio philologico-critica de literis Slavorum, de divisione illarum, nec non accentibus, cum adnexa linguae Slavonicae per regnum Hungariae usitatae compendiosa simul et facili Orthographia*, 1787).

48 Людовит Велислав Штур (Ľudovít Velislav Štúr, 1815–1856) словацкий поэт, филолог, общественный деятель. Автор книг *Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии* (*Nárečja slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí*, 1846) и *Наука словацкого языка* (*Nauka reči slovenskej*, 1846).

49 Ян Коллар (Ján Kollár, 1793–1852), словацкий политик, поэт, философ.

50 Павел Йозеф Шафарик (Pavol Jozef Šafařík, 1795–1861), словацкий филолог, историк, поэт.

51 Андрей Людовит Радлинский (Andrej Ľudovít Radlinský, 1817–1879), словацкий просветитель, католический священник.

Русский

Статья Романа Якобсона об истории чешского и словацкого литературного языка была опубликована только в переводе на французский в 1937 году. Она преследовала несколько целей, научных и политических. Ученый умело похвалил исследования своих коллег и дополнил их. Он подчеркнул воздействие старославянского языка на чешский и словацкий литературные языки и указал на цитату на старочешском из Библии, сделанную французским раввином XII века. Перед лицом немецкой угрозы Якобсон призвал к объединению усилий чешских и словацких лингвистов. В приложении впервые публикуется русский текст статьи Якобсона, позволяющий оценить стиль лингвиста, познакомиться с его авторскими маргиналиями и сопоставить оригинал с переводом, выполненным, по всей видимости, Жюлем Легра.

Français

L'article de Roman Jakobson, consacré à l'histoire des langues littéraires tchèque et slovaque, fut publié uniquement en traduction française en 1937. Il visait plusieurs objectifs scientifiques et politiques. Le savant se prête à un

élégant éloge des travaux de ses collègues. Pour les compléter, il souligne l'influence du slavon sur le tchèque et le slovaque littéraires et cite un verset biblique en vieux tchèque rapporté par un talmudiste français du XIIe siècle. Face à la menace allemande, Jakobson appelle à l'union des efforts des linguistes tchèques et slovaques. La publication, en annexe, du texte russe inédit permet d'apprécier le style de Jakobson, de prendre connaissance de ses inscriptions marginales et de comparer l'original à la traduction, vraisemblablement réalisée par Jules Legras.

English

Roman Jakobson's article on the history of the Czech and Slovak literary languages appeared exclusively in its French translation, in 1937. The article pursued both research and political objectives. The scholar starts with praising the work of his colleagues and highlights the influence of Slavonic heritage on literary Czech and Slovak citing a biblical quotation in Old Czech, mentioned by a 12th-century French Talmudist. Faced with the German threat, he calls on Czech and Slovak linguists to join forces. The previously unpublished Russian text in the appendix allows readers to appreciate Jakobson's style, his marginal notes, and compare the original with the translation, likely by Jules Legras.

Mots-clés

Jakobson (Roman), Legras (Jules), Tchécoslovaquie, slavistique, linguistique, politique

Keywords

Jakobson (Roman), Legras (Jules), Czechoslovakia, Slavic studies, linguistics, politics

Ключевые слова

Якобсон (Роман), Легра (Жюль), Чехословакия, славистика, лингвистика, политика

Alexandre Stroeve

Professeur émérite en littérature générale et comparée à l'université Sorbonne Nouvelle, membre du Centre d'études et de recherches comparatistes (CERC), auteur de plusieurs ouvrages consacrés au siècle des Lumières ; ses thèmes de recherche : relations littéraires franco-russes aux XVIIIe – XXe siècles, correspondances, mémoires, journaux intimes du XVIIIe siècle, récits de voyage